

ОСОБЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-5-11>

Актуальность статьи обусловлена тем, что в последние десятилетия вновь возник интерес со стороны как историков, так и правоведов к своеобразию крестьянского правосудия во второй половине XIX – начале XX вв. и его влиянию на формирование правосознания крестьян. Данная статья посвящена выявлению позитивных и негативных сторон в работе специально созданных волостных судов, а также анализу правовой основы их деятельности – местного правового обычая. Основное внимание сконцентрировано на изучении причин правовой обособленности крестьянства, установлении изъянов сельского правосудия, анализе принципов и правил правового обычая, который тормозил буржуазное развитие пореформенной деревни. Предметом исследования выступают законодательство о волостных судах в Российской империи и правоприменительная практика осуществления правосудия в общине. Цель работы – осмысление деятельности волостных судов как судебного механизма и ее влияния на формирование правосознания крестьянского общества. Для анализа привлечен большой фактический материал из фондов волостных судов Тульского государственного областного архива. Новизна исследования состоит в попытке на основе изучения архивных материалов представить доказательства невозможности качественного улучшения эффективности деятельности волостных судов, так как их решения принимались на основе местных обычаев. Методологическую основу исследования составили метод диалектики как общенаучный метод познания, а также такие частнонаучные методы, как формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-логический в их различном сочетании. В результате исследования сделан вывод о том, что особое сельское правосудие не оправдало надежд правительства, не решило возложенных на него задач.

**СКРЯБИН
Игорь Валерьевич**

кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры
государственно-правовых
дисциплин Тульского института
(филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Тула)

ig1012008@yandex.ru

**Официальный закон;
обычное право;
волостной суд;
капиталистическое развитие
деревни;
крестьянская реформа 1861 г.;**
принципы обычного права;
изъяны обычного права

Igor V. SKRYABIN

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Department
of State Law Disciplines,
Tula Institute (Branch) of All-Russian
State University of Justice (Tula)
ig1012008@yandex.ru

**Official law;
customary law;
volost court;
capitalist development of village;
peasant reform of 1861;
principles of customary law;
flaws of customary law**

PECULIARITIES OF PEASANT JUSTICE IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY – EARLY 20TH CENTURIES (ON THE MATERIALS OF TULA PROVINCE)

The relevance of the article stems from the fact that in recent decades there has been a renewed interest, both on the part of historians and legal scholars, in the peculiarity of peasant justice in the second half of the 19th – early 20th centuries and its impact on the legal consciousness of the peasants. This article is devoted to identifying positive and negative sides in the work of specially established volost courts, as well as an analysis of the legal basis of their activities – the local legal custom. The main attention is concentrated on studying the causes of legal isolation of the peasantry, establishing the defects of rural justice, analyzing the principles and rules of legal custom, which hampered the bourgeois development of the post-reform village. The subject of the research is the legislation on the volost courts in the Russian Empire and the law enforcement practice of justice in the community. The aim of the work is to comprehend the activity of volost

courts as a judicial mechanism and its influence on the formation of legal consciousness of the peasant community. A large amount of factual material from the funds of the volost courts of the Tula State Regional Archives is used for the analysis. The novelty of the research consists in the attempt, based on the study of archival materials, to present evidence of the impossibility of qualitative improvement in the efficiency of volost courts, as their decisions were made on the basis of local customs. The methodological basis of research was the method of dialectics as a general scientific method of knowledge, as well as such specific scientific methods as formal-legal, comparative-legal, historical-logical in their various combination. As a result of the study, the conclusion is that the rural justice has not fulfilled the expectations of the government and has not solved the tasks assigned to it.

Дореволюционные специалисты в области общинного хозяйствования (П. Вениаминов, К. Р. Качаровский, Н. П. Огановский, И. В. Чернышев и др.) справедливо указывали, что к оценке земледельческой общины следует подходить комплексно и рассматривать все направления ее деятельности. Свободная поземельная община – явление сложное, многогранное, уникальное, просуществовавшее вопреки всему с 1861 по 1917 г. Она охватила жизнь огромного количества крестьянства и вовлекла в свои отношения все сословия России. Возврата к данной форме хозяйствования в истории страны больше не было, но это ничуть не влияет на снижение интереса ученых к этому социально-культурному, экономическому и правовому феномену.

Несомненно, что правосудие в российской деревне во второй половине XIX в. и само было специфичным и неподражаемым явлением и заслуживает специального изучения.

Реформа 1861 г. не только ликвидировала крепостное право и дала свободу миллионам крестьян, но и предоставила им одинаковые права с остальными сословиями в юридическом отношении. Вотчинный суд упразднился, и возникла проблема, где и на какой правовой основе решать споры селян и разбирать их нарушения. Ее обсуждение стало дискуссионным на длительное время.

Авторы грядущих преобразований почти 10 лет полемизировали о том, надо ли на крестьян распространять нормы государственного права или предпочтительнее отдать правовому обычаю, а также передать ли тяжбы селян судам общей юрисдикции или специально созданным для этого крестьянским судам. В результате обсуждений правительство выбрало половинчатое решение: подчинить крестьян нормам позитивного права (как и всех подданных Империи) и разбирать их дела в судах общей юрисдикции, но в то же время по ряду правоотношений разрешить им применять нормы обычного права в созданных для этого волостных судах.

В «Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» были отчетливо изложены те немногие виды правоотношений, на которые распространялся правовой обычай, а также тяжбы, по которым решения принимались в волостных судах. Они охватывали только три направления:

1) семейные правоотношения (попечительство малолетних сирот, назначение им опекунов и попечителей с дальнейшим контролем за ними);

2) имущественные правоотношения (лишить или ограничить права крестьян на собственность разрешалось только по суду или по приговору схода);

3) наследственные правоотношения (вопросы наследования имущества решались на основе местных обычаев).

Кроме перечисленного волостным судам дозволялось рассматривать споры селян о движимом и недвижимом имуществе, дела о неуплате подушного налога, а также претензии о невыполнении договоров займа, купли-продажи и найма на сельские работы.

Возникает вопрос: почему реформаторы выбрали компромиссное решение проблемы организации сельского правосудия? Анализ различных источников помогает выявить целую группу таких причин:

1) крестьянам предоставлялось сословное самоуправление;

2) необходимость учитывать своеобразие жизни общины;

3) желание упрочить право и порядок в деревне руками самих крестьян;

4) необходимость создать условия для приспособления селян к государственным законам, повысить уровень правосознания этой категории населения;

5) отсутствие специалистов в области правового обычая в городе и т.д.

Как удалось установить, практики и ученые того времени неоднозначно определяли ценность половинчатых перемен в крестьянском судопроизводстве. Одни реформу встретили с воодушевлением, а другие – весьма осторожно и скептически. Первые

считали, что только такой суд защитит интересы общинников, что свой суд на основе обычая – это благо, полезное и нужное учреждение. Они указывали следующие его достоинства: деревенский суд обеспечивает скорость, доступность, дешевизну, понятность, ясность судебных действий. Важно было то, что судьи и участники споров были из крестьянской среды, «одного поля ягоды», одного уровня культуры и однородных взглядов, знали с детства все друг о друге и умели мудро и справедливо решать сложные тяжбы.

Кроме того, судопроизводство в волостном суде было чрезвычайно простым и несложным, не стесненным громоздкими формальностями. Расположен он был близко от дома, а также важно, что его решения могли быть мягче, чем в государственном суде. Крестьяне не испытывали страха, охотно шли в свой, как они называли, «лапотный суд», так как волостной суд, вынося приговор, учитывал и заслуги виновного, и его болезненное состояние, и его бедность, и физические недостатки, а также положение подсудимого в семье.

В силу перечисленных положительных моментов волостной суд готовил крестьян к более высокой ступени правовой культуры и восприятию государственных законов [1].

Однако, несмотря на эти положительные отзывы специалистов того времени о достоинствах волостных судов, все государственные комиссии, обследовавшие их деятельность в первые десятилетия, постоянно давали им отрицательные оценки, хотя никогда ни одна комиссия не предлагала их распустить. Опираясь на местный обычай, суд в деревне допускал множество ошибок и злоупотреблений в своей работе и зачастую не справлялся с задачей защиты прав добропорядочных общинников. Анализ опубликованных результатов обследований этих судов и прежде всего отчет комиссии М. И. Зарудного, а также привлеченные архивные материалы из фондов волостных судов Тульской губернии (Ф.771, Ф.813, Ф.2208, Ф.2254) позволили выявить следующие типичные недостатки крестьянского судопроизводства [2]:

- низкий образовательный уровень крестьянских судей. Экзамен на грамотность и знание законов среди судей не проводили;

- оплата членам суда невысокая, приходилось добирать вознаграждение с истцов и ответчиков. Совмещали функции в суде с работой в своем хозяйстве;

- большое влияние на принятие решений в суде со стороны писаря, сельского старосты и уездного начальства;

- обычные явления – подкуп судей, лихоимство и угощение членов суда перед заседанием;

- гражданские и уголовные дела суд разбирал в устной форме;

- требование четко записывать применяемый конкретный обычай не выполнялось. Обычай назывался, но суть его не излагалась;

- судьи часто не знали местных обычаев или традиции вообще отсутствовали. Решения принимали произвольно, заведомо пристрастно;

- суд сам проверял примененный обычай на подлинность;

- стремление суда во всех случаях защищать интересы общины, пренебрегая при этом интересами личности. Желание всегда примирить конфликтующие стороны, даже если одна из них терпит убытки;

- превалирование понимания справедливости не по закону, а по условиям и обстоятельствам;

- при допросе свидетелей большую роль играла их личность, а меньшую – суть их показаний;

- показания одного свидетеля являлись основой для принятия решения. Огромное значение в судебных доказательствах имела клятва в правоте. В государственном суде она не применялась;

- виды и размеры наказаний судьи определяли согласно собственным усмотрениям;

- применяли устаревшие формы наказаний – посрамление, битье кнутом, «угощение суда водкой по приговору»;

- адвокаты и заключение экспертизы не привлекались. Кассация и апелляция решений отсутствовали.

При такой неудовлетворительной ситуации правительство вынуждено было систематически совершать шаги по улучшению сельского правосудия: периодически принимались различные разъяснительные постановления Сената, создавались всевозможные комиссии, обсуждались проблемы в прессе. В результате в 1889 г. было опубликовано новое законодательство о волостных судах, которое сужало рамки действия правового обычая, повышало эффективность работы судов и увеличивало контроль за ними со стороны администрации и дворян. Однако никакие усилия и решения власти были не в состоянии сгладить недостатки в сельском судопроизводстве, которые существовали из-за изъянов обычного права и мешали защите интересов общинников.

Самым слабым местом деревенского правосудия являлась локальность обычного права, так как общинники жили довольно замкнутыми территориальными единицами и многие конкретные обычаи даже в соседних уездах попросту не знали. При такой ситуации никакой системы обычного права появиться в России не могло. В лучшем случае издавались специальные сборники местных обычаев отдельных районов страны. Часть авторов (например, профессор П. А. Никольский [3, с. 80–81]) считали, что правовые обычаи в некоторых уездах вообще отсутствуют. Крупный чиновник Министерства финансов М. П. Кашкаров, обследуя Тульскую губернию на рубеже веков, отметил, что при разговорах с крестьянами об обычаях они проявляли полное непонимание [4, с. 15]. В такой обстановке Сенат двумя своими

решениями (1891 и 1896 гг.) позволил волостным судам рассматривать практические дела «по существу» не ссылаясь на обычаи: «Волостные суды имеют право по совести и своему внутреннему убеждению оценивать предоставленные сторонами доводы» [5, с. 216–217]. Вскоре из Тульской губернии уже сообщали, что правовые обычаи заменили усмотрениями, начиная с волостного суда и кончая губернским присутствием.

Многие специалисты и ученые конца XIX в. считали, что правовая обособленность крестьян не оправдывала надежд, которые на нее возлагали. Устаревшие правовые обычаи, как и выдуманные новые, создавали процессуальные и иные трудности при разрешении жалоб селян, становясь тормозом в модернизации сельского хозяйства страны, мешали развитию буржуазных отношений в деревне. Особенно архаичными и консервативными оказались принципы и правила, на которых основывалось обычное право и которыми вначале восторгались сторонники реформы 1861 г. Проанализируем эти принципы с опорой на тульские архивные материалы.

Вначале определим отношение общинников к воровству, которое уголовное право издревле запрещало и строго наказывало за него. Многие крестьяне к хищению чужих вещей относились неодобрительно, но в то же время они могли спокойно зайти во владельческий лес и срубить все, что им могло пригодиться для ведения хозяйства. Лесные порубки не считаются грехом, заявляли крестьяне. Согласно правовым взглядам крестьян следующие действия не относились к числу преступлений: сбор хвороста, грибов и ягод, охота в чужом лесу, ловля рыбы в помещичьем пруду, покос травы на соседском лугу и даже заготовка дров [6]. Селяне твердо заявляли, что не может быть собственностью то, к чему не приложен труд. Если перечисленное никто не сажал, не растил, значит, все это общее. Можно смело брать – тут нет ни какого нарушения.

Продолжением этого правила была и следующая установка: кради, если это в интересах крестьянского двора, но никогда не задевай при этом хозяйственные интересы общины.

Под влиянием общины во время краж селяне действовали очень избирательно, похищали не у всякого соседа, а у лиц состоятельных. Из уездов сообщали, что бедные у бедных воруют редко, а у состоятельных присваивают все. Особенно часто крали у помещиков, заявляя при этом, что у бывшего барина всего много, хватит на всех. Завистливое отношение к собственности соседа не способствовало буржуазному развитию села. Местные кулаки делали попытки продвинуться по капиталистическому пути, но правовой обычай не защищал их преобразований. Главным для него был круг интересов мира. В русской дерев-

не в силу особенностей исторического общинного развития слабо применялись принципы из римского частного права, что преломлялось в непонимании и невосприимчивости института частной собственности. Здесь не могло сразу возникнуть у бывших крепостных крестьян идейной базы для уяснения священности и неприкосновенности любого чужого имущества. Кроме того, не стали общинники собственниками и по результатам реформы 1861 г., так как земли они получили не во владение, а в пользование.

Мало отражались традиции и устои римского права и на практике договорных отношений в деревне. Дух общины и обычай отразились и на характере заключения крестьянских обязательств. Правило «долг платежом красен» не стало среди общинников стойким убеждением. Этому способствовал ряд обстоятельств:

- община подталкивала крестьян к быстрой уплате долга только по договорам, за которые она отвечала по круговой поруке;
- иногда волостные суды крестьян-должников освобождали от возврата долга или переносили срок оплаты;
- договоры преимущественно заключались в устной форме и держались на личной репутации сторон;
- в деревне использовали не все виды гарантий исполнения обязательств.

Так, например, обычай не фиксировал заранее определенной твердой оплаты пени за невыполнение договора. Если возникал спор между сторонами, то волостной суд, произвольно по своему усмотрению, исходя из личных качеств участников тяжбы, назначал размер неустойки. Иногда кулак, который оказывался в опале у односельчан, мог и проиграть судебный процесс. Компенсация существовала и в денежной форме, и в форме так называемых позорящих действий. Есть пример, когда у лошади неправого должника на потеху всей деревне отрезали хвост. В другом случае нарушителя договора водили по всей деревне, а затем его шапку на две недели выставляли на шесте над крышей.

Обычное право, как и официальный закон, предусматривало некоторые средства, гарантировавшие выполнение договора, но они были с разными ограничениями. Так, например, разрешалось выплату долга подстраховывать залогом имущества. Но предметом залога являлось только движимое имущество. Не встречаются случаи залога земли или дома. Здесь опять община боялась потерять своего налогоплательщика в случае его разорения и не разрешала прибегать к ипотеке.

Представляет интерес и договор купли-продажи в деревне, который часто сопровождался обманом, но обычным правом он не порицался. Тульские писатели отмечали случаи, когда продавцам удавалось всучить больную лошадь или корову, затол-

кать в прессованное сено камни [7, с. 396]. Обычай не осуждал подобные действия и даже стремился их одобрить, так как порицался нередко покупатель-ротозей, а не продавец-ловчила. Как обычно на первый план выходила общинная целесообразность. Из Одоевского уезда Тульской губернии по этому поводу писали: «Не всякое преступление сопряжено с грехом, например, обмануть при продаже произведений сельского хозяйства – не грех, потому что все жульничают теперь» [8].

Демонстрировала община свою заинтересованность и при исполнении договора найма на сельские работы. Этот договор являлся добровольным, однако мир всячески подталкивал к нему бедных домохозяев, их жен и даже детей. В деревне бытовала поговорка: «Соха кормит, ремесло поит, а платежи на стороне». Важно было, чтобы налогоплательщики за сезон добыли к осени нужную сумму. А для этого подключался волостной суд, который контролировал условия найма и стремился своими решениями крестьян-недоимщиков удержать у нанимателей. Архивные материалы из фондов волостных судов показывают, что местные суды всегда были на стороне нанимателей и батраков вынуждали интенсивно работать, жить в плохих условиях, беспрекословно подчиняться, не прогуливать, не менять хозяина и терпеть все его издевательства. Попытки обедневших общинников защитить себя в своем деревенском суде оставались безуспешными [9].

Безусловно, определяя санкцию за правонарушение, волостной суд брал во внимание тяжесть содеянного, но еще более значимой для него являлась личность виновного. Для вынесения решения судьям была важна оценка обвиняемого как общинника, соседа, домохозяина и налогоплательщика. Мир обычно отлично знал каждого с детства и прежде всего учитывал трудолюбие, состоятельность, вклад в дела общины, семейное положение и авторитет как виновного, так и потерпевшего. А во вторую очередь принимались во внимание суть и мотивы содеянного. Это давало возможность соседям больше учитывать смягчающие обстоятельства и действовать, как думали общинники, более справедливо [10]. На самом деле принцип субъективизма в привлечении к ответственности и наказанию далеко не всегда справедлив, так как вступает в противоречие с другим принципом официального закона, а именно равенства всех перед законом, все зависимости от личных качеств и особенностей.

В обычном праве не было норм, которые защищали интересы отдельной личности. В каждом конкретном случае община выбирала такой путь решения спорной ситуации, который для нее являлся наиболее целесообразным, а это и выражалось в привлечении к ответственности по принципу «смотря по че-

ловеку». Община защищала не права личности, а свои интересы, при этом сурово наказывая одних и поощряя других, «себе полезных».

При таком подходе к делу было непросто богатому односельчанину отстаивать свои права на суде. Если к нему и его заслугам деревня была настроена положительно, он мог выиграть имущественный спор, а если считали его мироедом и стяжателем, то можно было легко потерять приобретенную собственность. Такой подход отрицательно отражался на развитии капитализма в селе.

Еще один принцип решения дел в общине – «грех пополам». По сути это правило допускало наличие равного возмещения за ущерб между истцом и ответчиком или раздел спорных вещей между двумя сторонами при отсутствии ясных доводов их принадлежности кому-либо. Используя это положение, волостные суды могли удовлетворять участников спора, когда они не имели достаточных доказательств правоты, причиненный вред являлся неумышленным и каждый был частично виноват в содеянном. Известный исследователь волостных судов С. В. Пахман привел следующий весьма показательный образец действия этого правила: «Один крестьянин вырыл яму для зимнего сбережения овощей, и в эту яму свалилась лошадь соседа и пала; о таком случае говорят, что один виновен, что не накрыл вырытую яму, а сосед – тем, что не усмотрел за своей лошастью, и поэтому первый присужден уплатить половину стоимости лошади ее хозяину» [11, с. 95]. Из данного примера неясно, кто прав, а кто виноват, но здесь главное то, что спорящие стороны можно было успокоить. Конфликт не разгорался, обе стороны, уразумев, что ничего не доказать и виновных здесь нет, но все же эти действия являются «грехом», делили этот «грех» (нарушение) пополам. Налицо явный компромисс: стороны вряд ли довольны полностью, но в общине сохраняются мир, спокойствие и согласие. Подобные примеры имеются и по Тульской губернии: «При неосторожной поломке чужой телеги дело обычно решали как «грех пополам»» [12].

Данный принцип обычного права первые десятилетия широко использовался в практике крестьянских судов. Общинникам нравилось присуждение половины иска при неумышленном причинении вреда. Но с появлением в деревне зажиточных дворов этот принцип применялся уже реже, так как крестьяне-предприниматели не желали решать дела с половинчатым возмещением ущерба, лишь бы «ни кому не было обидно». Им была нужна твердая опора на нормы официального права, которые защищали частную собственность и не применяли незаконный принцип «грех пополам».

В заключение рассмотрим еще один яркий пример проявления корпоративных устремлений общи-

ны и волостных судов – участие их в ликвидации недоимок своих членов. Реформа 1861 г. обязала мир отвечать за уплату налога каждого селянина и дала право применять к неисправным должникам целый арсенал способов, стимулирующих эти платежи: поощрять подработки на стороне, выделять бедноте опытных опекунов, продавать что-то из их имущества и др. Если эти меры не помогали, начинали использовать механизм круговой поруки и погашать недоимку задолжника за счет мирских денег. Однако оплаченный общиной налог совсем не прощался беспечному домохозяину. Он получал лишь отсрочку, чтобы подправить свое положение и позже расплатиться с обществом.

Конечно, в деревне были бесшабашные земледельцы, которым никакая отсрочка не помогала. При таких обстоятельствах крестьян-недоимщиков отправляли на заработки по принуждению общины или сельского суда. Мир делал последнюю попытку спасти хозяйство налогоплательщика, но действовал теперь жестко. Работы были не лучшие, часто с зимним дешевым наймом или тяжелые на местных заводах, где хронические должники заготавливали дрова, возили уголь и чугуны, разгружали вагоны и т.п.

И только исчерпав все возможности, судебная власть общины принимала решение у таких односельчан отобрать лошадь, описать и продать движимое имущество и даже надел. Спасти хозяйство налогоплательщика не удавалось [13, с. 192].

Подводя итоги, можно заключить, что просуществовавшее до 1917 г. крестьянское правосудие имело свои плюсы и минусы, последних было больше и они оказались чрезвычайно стойкими. Все десятилетия крестьянский суд оставался сословным, и основным источником права здесь являлся местный обычай. Кроме того, сельское правосудие после 1889 г. находилось под жестким административным контролем со стороны государственных органов. Оно не выполняло свою главную функцию – защиту прав и интересов сельского населения и создало затруднения при разрешении ежедневно возникающих правовых конфликтов в семейных и имущественных отношениях. С развитием товарно-денежных отношений в деревне зажиточных крестьян перестали удовлетворять приговоры «своего» суда, «глядя на человека» и «по справедливости». Новые имущественные отношения должны были защищать официальный закон и профессиональные судьи [14].

Пристатейный библиографический список

1. *Кистяковский А. Ф.* Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Русским географическим обществом : материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским : в 7 т. Т. 6 : Народные юридические обычаи по решениям волостных судов. СПб. : [б.и.], 1872.
2. *Зарудный М. И.* Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб. : Тип. 2 Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1874.
3. *Никольский А. П.* Земля, община и труд. Особенности крестьянского правопорядка, их происхождение и значение. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1902.
4. Русское экономическое обозрение. 1903. № 11.
5. Свод узаконений и распоряжений Правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам, с воследовавшими по ним разъяснениями, содержащимися в решениях Правительствующего сената и в постановлениях и распоряжениях высших правительственных учреждений / сост. И. Л. Горемыкин. 5-е изд. СПб. : Тип. Д. В. Чичинадзе, 1903.
6. Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. 105. Оп. 1. Т. 1. Д. 8, 15, 37, 138, 192, 275, 302.
7. *Успенский Г. И.* Крестьянин и крестьянский труд // Письма из деревни : Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М. : Современник, 1987.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 586. П. 1. Д. 122.
9. ГАТО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 174; Ф. 4. Оп. 4., Д. 655, 659, 940; Ф. 536. Оп. 1. Д. 5.
10. ГАТО. Ф. 105. Оп. 1. Т. 1. Д. 265.
11. *Пахман С. В.* Очерк народных юридических обычаев Смоленской губернии // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 2 : Сборник народных юридических обычаев / под ред. С. В. Пахмана. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1900.
12. ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 122.
13. *Бржеский Н.* Недоимочность и круговая порука сельских обществ. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1896.
14. *Уманец Ф. М.* Из моих наблюдений по крестьянскому делу. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1881.

References

1. *Kistiakovskii A. F.* Volost Courts, Their History, Their Real Practice and Their Present Situation. In Proceedings of the Ethnographic and Statistical Expedition to the Western Russian Territory, Equipped by the Russian Geographical Society: Materials and Research Collected by P.P. Chubinskii. In 7 vols. Vol. 6: Folk Juridical Customs Based on the Decisions of the Rural Municipality Courts. St. Petersburg: [s. l.], 1872.
2. *Zarudnyi M. I.* The Laws and Life. The Results of a Study of Peasant Courts. St. Petersburg: Printing House of the Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1874.
3. *Nikolskii A. P.* Land, Community and Labor. Peculiarities of Peasants' Legal Order, Their Origin and Significance. St. Petersburg: A. S. Suvorin's Printing House, 1902.
4. Russian Economic Review. 1903. No. 11.
5. *Goremykin I. L. (comp.)*. A Set of Laws and Orders of the Government on the Arrangement of the Rural State and Institutions for Peasant Affairs, with Subsequent Explanations on Them Contained in the Decisions of the Governing Senate and in the Decisions and Orders of Higher Government Institutions. 5th ed. St. Petersburg: D. V. Chichinadze's Printing House, 1903.
6. State Archive of the Tula Region. F. 105. Op. 1. T. 1. D. 8, 15, 37, 138, 192, 275, 302.
7. *Uspenskii G. I.* The Peasant and the Peasant Work. In Letters from the Village: Essays on the Peasantry in Russia in the Second Half of the 19th Century. Moscow: Sovremennik, 1987.
8. State Archive of the Russian Federation. F. 586. P. 1. D. 122.
9. State Archive of the Tula Region. F. 264. Op. 1. D. 174; F. 4. Op. 4. D. 655, 659, 940; F. 536. Op. 1. D. 5.
10. State Archive of the Tula Region. F. 105. Op. 1. Vol. 1. D. 265.
11. *Pakhman S. V.* Sketch of Folk Legal Customs of Smolensk Province. In *Pakhman S. V. (ed.)*. Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Ethnography. Vol. 2: Collection of Folk Legal Customs. St. Petersburg: A. S. Suvorin's Printing House, 1900.
12. State Archive of the Russian Federation. F. 586. Op. 1. D. 122.
13. *Brzhetskii N.* Deficit and Circular Bail of Rural Societies. St. Petersburg: V. Kirshbaum's Printing House, 1896.
14. *Umanets F. M.* From My Observations on Peasant Case. St. Petersburg: A. S. Suvorin's Printing House, 1881.